Основные задачи нравственного воспитания

Константин Николаевич Вентцель

SHOUT
SHARE
IT

- К. Н. Вентцель

К. Н. Вентцель
Основные задачи нравственного воспитания

Воспитать в человеке нравственные стремления, сделать его неутомимым борцом за нравственный идеал, так чтобы вся жизнь его служила живым воплощением этого идеала — самое трудное и вместе с тем, быть может, самое важное дело в области воспитания. Воспитание физическое и умственное играют по отношению к нравственному, можно сказать, только чисто служебную роль. И между тем нигде не сделано так мало и в смысле теоретического изучения и в смысле практического применения, как в области нравственного воспитания. Это и понятно, — задачи нравственного воспитания, захватывая всю жизнь человека, с его как животными физиологическими потребностями, так и высшими духовными интересами, несравненно обширнее и сложнее тех задач, разрешение которых составляет главное содержание трактатов о физическом или умственном воспитании. Но эта обширность и сложность тем более должны бы были побуждать сосредоточить на них как можно больше сил, чтобы таким путем скорее придти к практическому разрешению этих важных жизненных вопросов. Настоящая статья имеет своею целью уяснить хотя бы в слабой степени существенные задачи нравственного воспитания или, по крайней мере, хотя бы наметить их.

Но, прежде чем говорить о задачах нравственного воспитания, следует выяснить, что именно надо понимать под нравственностью. Это тем более необходимо, что самое слово допускает разностороннее толкование. Читатель может согласиться с нашим определением нравственности или нет, — во всяком случае он будет знать, о чем именно идет дело, когда мы говорим ему о нравственном развитии.

Этим путем будут избегнуты всякие неясности и недоразумения. Но, так как цель настоящей статьи не теоретическое выяснение принципов нравственности, а практическое разрешение вопроса о нравственном воспитании, то мы должны при определении понятия нравственности ограничиться только существенно необходимым. Нам придется лишь сжато и кратко формулировать свой взгляд на нравственность, не пытаясь его Обосновывать более подробно, иначе это завело бы нас слишком далеко от предмета нашей

непосредственной задачи.

Итак, что же такое есть нравственность? Самый естественный ответ, представляющийся при этом, был бы, по-видимому, таков: нравственность есть стремление к осуществлению того, что является для человека самым высоким, самым святым, самым лучшим, какими бы именами он не называть это высокое, святое и лучшее, — правдой, добром, благом, или еще как-нибудь иначе. Но, что такое правда, долг, благо? Имеют ли все эти вещи какое-либо значение и цену сами по себе? Не представляют ли они только того или другого нашего отношения к жизни? Не существует ли какой-либо высший критерий, с которым должны сообразоваться и от которого получают свое значение все эти великие слова? Да, этот критерий существует и этим критерием является ***„жизнь".*** Самое высшее, самое драгоценное — благо и сокровище для человека составляет „жизнь", как та жизнь, носителем которой он сам является, так и та, которая широким потоком разлита кругом него в природе и человечестве. Вне „жизни", понимаемой в самом широком значении этого слова, нет ничего ни святого, ни благородного, ничего такого, что стоило бы желать — от нее одной все получает и смысл, и разумность, и оправдание своего существования. Только то мы называем хорошим, святым, нравственным, разумным, справедливым, что ведет к сохранению этого блага или к накоплению его, как в нас, так и кругом нас. И, наоборот, все то, что мешает прогрессивному развитою и росту жизни, — все это мы награждаем противоположными эпитетами. Нравственность поэтому есть ни что иное, как сознательное стремление и деятельность, направленные на увеличение общей суммы и напряженности жизни в мире. И так как человек, в пределах нашего опыта, является выражением наибольшей концентрации жизни в мире, то отсюда становится понятным, почему нравственное поведение имеет своим главным предметом человеческие существа. Но человек может развить наибольшую сумму жизни как в себе, так и кругом себя, только в общежитии, т. е. соединяясь со своими собратьями-людьми в одно целое, называемое обществом. Общественные отношения, как мы находим их в настоящее время, построены в значительной мере на началах антагонизма и борьбы и потому только в слабой степени дают возможность для каждой отдельной личности достигнуть полной и широкой жизни. Только гармоническое общество, построенное на началах любви и солидарности, может создать условия для этой полной и широкой жизни, может дать каждой индивидуальности возможность развернуть все свои силы и способности и достигнуть того наиболее высокого и могучего „чувства жизни", которое только в

состоянии дать наиболее развитая форма общественных отношений. Вот почему достижение такой гармонической общественной жизни является конечною целью нравственной деятельности, отдельной индивидуальной личности, так и большей или меньшей совокупности таких личностей, — так как наибольшая гармония, достигнутая людьми в своих общественных отношениях, равнозначительна с наибольшею суммою наиболее интенсивной жизни.

Взглянем теперь на дело нравственного развития с несколько иной стороны, имеющей особенно важное значение для всего последующего нашего изложения. Жизнь каждой отдельной личности, насколько она является предметом ее сознательных стремлений, может быть сведена к совокупности тех или иных целей. Чем в большей мере те частные цели, которых достигает в течение своего существования отдельная личность, ведут к увеличению общей суммы и напряженности жизни в мире, составляющему высшую задачу нравственности, тем в большей мере жизнь этой личности приобретает нравственный характер. Эта высшая цель служить как бы для объединения всех отдельных частных целей, которые личность сознательно или бессознательно преследует в течение своего существования. В самом деле, если существует высшая нравственная цель, с которой мы должны сообразовать все свои частные цели, какие бы нам не приходилось преследовать, то, как прямой вывод из этого, необходимо вытекает, что, чем более согласованы различные частные цели нашей жизни между собою, тем более нравственный характер получает и наша жизнь.

Нравственность немыслима без установления гармонии между многоразличными целями человеческой жизни. Так как все цели могут быть разбиты на две крупные категории, — на цели индивидуального характера, предметом которых является само лицо, ставящее цель, и на цели социального характера, предметом которых является совокупность индивидуумов, вне нас находящихся, — то, можно сказать, что установление гармонии между этими двумя категориями целей или объединение себя с остальным человечеством в одно целое составляет высшую задачу нравственности. Итак, выраженный в другой форме, идеал нравственности сводится к установлению гармонии между всеми целями человеческой жизни. К этому надо только прибавить, что самая система человеческих целей не остается неизменной, но постоянно видоизменяется и расширяется по мере развития отдельной личности и всего человечества. На этой формуле мы и остановимся, так как она особенно для нас важна в практическом отношении.

Таким образом, вопрос о нравственном воспитании сводится к выяснению того, что именно нужно делать, чтобы воспитать в ребенке стремление к установлению гармонии везде и всюду, где только представится к этому случай, — стремление, которое, начавшись со стремления к установлению гармонии между двумя какими-нибудь мыслями или даже с еще более элементарных форм, получило бы свое конечное завершение в стремлении установить гармонию между собой и всем остальным человечеством и миром, причем мир и человечество берутся в такой широте, в какой только возможно. Создать такое стремление к гармонии вообще, стремление, которое искало бы все более и более широкого поля для своего приложения — значит подготовить почву для нравственного поведения человека и сделать его наиболее пригодным для осуществления нравственных задач и целей. Если вы хотите воспитать в ребенке нравственные стремления и выработать в нем нравственный характер то, не толкуя ему много об отвлеченных принципах нравственности, старайтесь только воспитать в нем стремление отдавать себе ясный отчет в тех целях, которые он себе ставить, и наряду с этим никогда не ослабевающую потребность внести гармонию в этот мир целей, — и вы этим сделаете в тысячу раз больше для выработки из него нравственного человека, чем внедряя в него какой-нибудь кодекс моральных предписаний, имеющий будто бы таинственное, сверхъестественное происхождение. Расширять количество ставимых себе целей, так что бы эти цели, имея в виду первоначально почти исключительно только нашу особу, распространились бы и охватили постепенно возможно большее количество людей, и в тоже время постоянно прилагать все усилия к тому, чтобы между всеми нашими целями была наибольшая возможная гармония, чтобы все они составляли одну стройную систему целей, исключающую всякие противоречия между отдельными целями, входящими в нее в качестве составных элементов — таков, как упоминалось, высший нравственный идеал человека. Выраженный в других словах, он сводится к тому требованию, что бы человеческая жизнь, жизнь отдельной личности, была бы наиболее плодотворна по количеству и разнообразию полученных в результате от нее последствий для всего человечества, считая одним из составных элементов этого человечества и самого нравственного деятеля. А каждая жизнь и каждая деятельность тем более плодотворны, чем более достигается при посредстве них целей и чем менее эти цели взаимно исключают друг друга, — потому что стремиться к двум противоречивым целям значить одною рукою уничтожать то, что было сделано другой,

значить напрасно растрачивать свою жизненную энергию. Вот почему только итог жизненной деятельности такой личности, которой в наибольшей степени удавалось устанавливать гармонию между целями, преследовавшимися ею в течение своей, жизни, может быть наиболее велик по своим размерам.

Посмотрим же теперь, каким образом, понимая в подобном смысле нравственность, могут и должны быть воспитываемы в ребенке нравственные стремления.

Развитие нравственных стремлений связано с развитием воли, и потому прежде всего следует ответить на вопрос, как должна быть развиваема в ребенке воля.

Воля, в том смысле, в каком мы здесь употребляем это слово, есть такая способность действовать, при которой ряд совершаемых человеком действий, прежде его реального осуществления в действительности, имеет идеальное существование внутри его сознания в форме представления себе всех этих действий в той последовательности, в какой он затем осуществляет их на самом деле. Из этого определения, собственно говоря, уже становится ясным, что именно нужно делать для развития воли. Воля, как и всякая деятельность, развивается тем в большей мере, чем больше бывает поводов для ее обнаружения, чем больше случаев, в которых она может упражняться. Вот почему, что бы развить в ребенке волю, надо пользоваться всякою возможностью, что бы заставить его действовать согласно поставленной им самим себе цели и пользуясь для этого выбранными им самим средствами.

Чем более будет случаев для подобного рода деятельности, тем большее развитие получит и воля. Надо только при этом не упускать из виду следующее одно практическое соображение. Цель, которую себе ставить ребенок, всегда должна быть практически для него достижима. Достигнутая цель порождает приятное чувство удовольствия, сводящееся отчасти к чувству победы и торжества над препятствиями. Это удовольствие побуждает нас и в следующий раз прибегать к подобному же способу сознательной волевой деятельности и отдавать ему предпочтете перед всякими другими формами деятельности, например, перед деятельностью импульсивной, или в силу привычки, инстинкта и т. д. Если же постоянно случается так, что цель практически недостижима, то последствием волевой деятельности будет неприятное чувство поражения, которое, повторяясь слишком часто, может лишить ребенка всякой охоты затрачивать свои усилия (так как волевая деятельность требует усилий), никогда ничем не вознаграждающиеся, и у него не будет тогда никакого стимула, который побуждал бы его отдавать

предпочтете этому способу деятельности перед всеми другими.

Развитие воли, в смысле деятельности согласно умственно представляемым себе целям, находится в тесной зависимости от нашей способности представления, и потому всякий шаг в развитии последней дает возможность сделать лишний шаг вперед и в направлении развития воли. Чем шире способность представления, тем шире может быть и воля, так как тем шире разрастается и объем тех целей, который мы можем ставить себе одновременно, и тем более отдаленными становятся эти цели в порядке своего достижения. Если первоначально, при слабо развитой способности представления, могут ставиться лишь те цели, который непосредственно сейчас же и достигаются, то с ростом способности представления становятся возможными цели, который достигаются только на следующий день, следующий месяц, следующий год или даже через несколько лет. Таким образом, с развитием способности представления делаются возможными цели все более далекие и достижение которых требует все больше и больше времени.

Но развитие способности представления обуславливает также и то, что цели, которые мы себе ставим, становятся все более и более сложными, до такой степени сложными, что каждая такая цель не может быть осуществлена нами сразу, но по частям. И чем сложнее становится цель, тем на большее число составных частей она принуждена бывает дробиться, причем каждая часть принимает отчасти характер как бы отдельной, самостоятельной цели. Цели более сложные представляют, очевидно, также и цели более высокого порядка. Установление гармонии между своею жизнью и жизнью остального человечества, — цель, составляющая высшую задачу нравственности, есть также и цель самая сложная и вместе с тем цель самого высокого порядка, на достижение которой нравственный человек посвящает всю свою жизнь. Все частные цели, которые он ставит в своей жизни, являются для него, как составные элементы этой широкой и всеохватывающей цели.

Из всего предыдущего становится ясным, что для того, что бы развить в ребенке волю и способствовать ее подъему на все более и более высокие ступени развития, необходимо параллельно с этим заботиться и о развитии в нем способности представления. Необходимость культивирования способности представления становится еще более осязательной, если иметь в виду не только развитие воли вообще, но и развитие *нравственной* воли в частности, т. е. воли, ставящей своей задачей установление все более расширяющейся гармонии между целями. Без богатого запаса систематизированных представлений и без развитой,

способности связывать синтетически эти представление между, собою — немыслимо установление гармонии между целями нашей жизни, так как каждая цель сводится к совокупности тех или других представлений. Надо располагать обильным умственным материалом, который доставляет человеку научный и жизненный опыт и наблюдение, надо также располагать высоко развитою способностью к анализу и критике, а также и в особенности к синтетической, построительной, творческой деятельности мышление, чтобы быть в состоянии в самой широкой возможной степени установить гармонию целей. Забота об интеллектуальном развитии, о культуре ума и притом всесторонней, а не односторонне направленной, является существенно важной и необходимой не только в интересах самого этого развитие, но и еще более в интересах развитие в нас воли и нравственных стремлений. Жизнь отдельной личности, при прочих равных условиях, будет тем более воплощать в себе все возрастающую по своим размерам гармонию и тем более будет плодотворна для человечества, чем выше интеллектуальное развитие этой личности. Правильная гармоническая культура ума не только не ведет к умалению в нас нравственных задатков, но, напротив того, составляет необходимое предварительное условие для того, чтобы эти задатки развернулись в нас пышным цветом и дали все, что они только могут дать.

Но, чтобы вести к этой цели интеллектуальное воспитание должно быть именно гармоническим. Все процессы интеллектуального развитие могут быть разбиты нами на следующие группы: на процессы восприятие, памяти и творчества. И здесь следует стремиться к тому, чтобы каждый из отмеченных процессов был развиваем в надлежащей степени и наибольшей гармонии со всеми остальными. Воспитание должно поставить себе целью выработку человека, который обладал бы способностью с наибольшею полнотою, точностью и ясностью воспринимать явление окружающей его жизни, который мог бы наиболее легко, свободно и на продолжительное время удерживать в своей памяти все то, что ему приходится переживать и воспринимать, и который, наконец, в наивысшей степени располагал бы даром творчески перерабатывать имеющийся в его распоряжении психический материал, чтобы создавать из него более совершенные возможные комбинации действительной жизни. Творчество есть высшая духовная способность, для которой память и восприятие доставляют только материалы, но было бы большой ошибкой культивировать ее чрезмерно в ущерб этим последним. Если способность восприятие и память будут слабо развиты, то психическое творчество найдет

себе исход в построении вымыслов лишенных всякого реального значение и не могущих играть в жизни никакой деятельной роли. Только тогда творчество может иметь наиболее плодотворное значение, когда оно связано с нормально развитою способностью восприятие и с наиболее богатою памятью. Такой человек только даст обществу живые идеалы, которые явятся образцами для деятельности другим людям.

Чтобы развить в ребенке способность к правильному воспрининанию окружающих его явлений, к точному наблюдению их, воспитать в нем уменье разумно пользоваться своим жизненным опытом и развить привычку критического отношение к своей прошлой жизни и сознательного руководительства своею будущею жизнью, нам кажется, было бы полезно заставлять его, сначала при содействии взрослого, а потом когда он научится свободно и легко писать и формулировать свои мысли, то и самому, записывать свои жизненные наблюдение, в особенности, если они принадлежат к числу выходящих вон из ряду, и отдавать себе отчет о том, что было сделано в течение дня. Каждодневное записывание взрослым под диктовку ребенка всего, так или иначе оставившего след в его сознании, приучает ребенка к точному наблюдению и к ясному формулированию наиболее характерных черт наблюдаемых им жизненных явлений. Конечно, взрослому придется отчасти наталкивать его, чтобы он обратил внимание на те именно черты, которые действительно являются характерными. Жизненный факт в котором ребенок отдал себе таким образом вполне ясный отчет действительно станет его прочным духовным достоянием и навсегда запечатлеется в его памяти. Подобный записи можно будет от времени до времени перечитывать и они облегчат ребенку воспоминание о том что с ним прежде было. Это перечитывание будет служить для него даже величайшим источником наслаждение. Если же при этом позаботиться о том, чтобы жизнь ребенка была содержательна, чтобы ему действительно представлялась возможность делать разносторонние наблюдение, то результат от подобной системы может получиться только наилучший.

Скажут, пожалуй, — таким путем вы разовьете из ребенка резонёра и вообще какое-то рассудочное существо. Однако ничего подобного здесь не может иметь место. Речь вовсе не идет о том, чтобы ребенок перестал думать и поступать по-детски, жить чисто детскою жизнью, свойственной его возрасту, и напялил бы на себя шкуру взрослого. Нет, пускай ребенок живет этою детскою жизнью во всей ее полноте, пусть детские годы дадут ему всё, что они только могут дать светлого и хорошего. Прочь резонёрство и

узкую рассудочность — они противны бывают даже и во взрослых. Но записывание своих наблюдений, правдивый отчет о фактах действительной жизни, о том как проведен был день, что удалось в течение дня сделать, услышать или увидеть, решительно не имеет ничего общего с резонёрством. Здесь не нужно никаких рассуждений и разглагольствований, здесь требуется только сжатое, краткое и ясное изложение фактов, из которого исключено всё лишнее и несущественное. Я пойду даже дальше и скажу, что подобное записывание наблюдений гораздо скорее может отучить человека от резонёрства и разглагольствований, приучит его к точному наблюдению и даст ему возможность впоследствии всегда легко и свободно ориентироваться в своей жизни и потому быть во всякую данную минуту способным разумно и сознательно вмешаться в жизнь и стать одним из деятельных элементов ее преобразование к лучшему. Затем, если вы, записывая проведенный ребенком день, обращаете его внимание на то, как мало было сделано в течение дня, как он пуст по своему содержанию по сравнению с такими-то прошедшими днями, запись о которых у вас сохранилась и о которых вы ему напоминаете, то и в этом нет ничего, что воспитывало бы стремление к резонерству. Наоборот, это может только вызвать в ребенке стремление, чтобы следующие дни были более полны и содержательны, так чтобы ему не пришлось жалеть о них. Если бы вам удалось воспитать в ребенке привычку чувствовать страдание при мысли о бесплодно проведенном времени, то вы оказали бы этим ему огромную пользу, вы предотвратили бы его от бесплодной непроизводительной растраты времени, которая составляет громадное зло в наши дни.

Но, отмечая содержательность или бессодержательность дня, проведенного ребенком, надо остерегаться измерять эту содержательность на аршин взрослого и становиться на точку зрения тех требований, которые взрослый может ставить к жизни и человеку. Тот день, который с точки зрения взрослого может являться пустым и бессодержательным, для ребенка может быть полон и богат, и ребенок в этом отношении будет прав. Те стороны жизни, которые имеют для ребенка развивающее значение и влияют на развитие его ума, чувства и воли, могут быть лишены для взрослого всякого значения. Вот почему, если вы при оценке проведенного дня упускаете из виду эту разницу точек зрения и пытаетесь навязать ребенку вашу точку зрения, до которой он еще не дорос и на которую ему становиться поэтому и не обязательно, то вы совершаете большую ошибку. Важно не то, чтобы ребенок научился стремиться к более содержательному дню с вашей точки зрения, но чтобы он стремился к более

содержательному дню, как этот последний представляется ему с его точки зрения. Когда он вырастет, то будет стремиться сделать день более содержательным, имея в виду ваши требования от жизни, а пока предоставьте ему судить о содержательности дня со своей чисто детской точки зрения, на которую каждому из нас приходилось становиться в свое время. Если вы будете поступать иначе, то рискуете добиться того, что ребенок перестанет и вовсе стремиться сделать свой день содержательным с какой бы точки зрения эта содержательность не оценивалась, или, если хотите, будет стремиться, но по принуждению, а не свободно. Всякий раз поэтому, когда он почувствует что бдительность с вашей стороны ослабела, когда ему тем или другим путем удастся освободиться от внешнего гнёта, он будет стараться употребить свое время самым бессодержательным и непроизводительным образом. Подобные стремления рождаются всегда, когда чья-либо рука навязывает нам план жизни, который мы не понимаем и которому не сочувствуем. При продолжительном порабощении в этом отношении как реакция явится стремление жить без всякого плана.

Каждый из нас может констатировать, какое слабое руководящее значение план наиболее содержательной и разумной жизни имеет в нашем существовании и как, собственно говоря, трудно направлять свою жизнь согласно известному плану. Мне кажется, здесь могло бы быть очень полезно перед началом дня намечать совместно с ребенком предположительную программу этого дня, т. е. что именно должно быть и может быть в течение его сделано. Если намеченная таким образом программа не задается невозможными целями и получает каждый раз свое практическое осуществление, то ребенок приучится располагать свой день сообразно известному плану и находить в этом большое удовольствие, так как нет больше удовольствия, как сознавать, что удалось выполнить ту задачу, которую сам себе задал. Подобный план необходимо делать вместе с ребенком даже при каждой исполняемой им в течение дня работе, так чтобы сама работа явилась как заранее задуманное осуществление исследовательских целей, которых последовательность была предварительно им сознана. Конечно, всё здесь будет зависеть от того, насколько широко развить кругозор ребенка. Будучи первоначально способен составить план только для времени, ограниченного несколькими минутами или часами, он понемногу сделается способным составить план для целого дня,

недели, месяца, года, пока, наконец, ставши взрослым человеком, с установившимся миросозерцанием и нравственным характером, он будет в состоянии выработать себе план всей

своей будущей жизни, сообразно с которым он будет оценивать и располагать отдельные задачи, которые он ставит себе каждый день.

В этом отношении надо с малых лет воспитывать в человеке творческое отношение к практической жизни, надо приучить человека смотреть на каждый проведенный им день в жизни, канувший в вечность, как на продукт его творчества, как на создание, выходящее из его рук или которое могло бы в значительной степени выходить из его рук. Пусть человек на каждый день своей жизни смотрит, как на художественное произведение и научится находить свое высшее удовольствие в том, чтобы эта творческая работа рук его воплощала в себе истину и красоту и являлась бы высоким выражением нравственного идеала. Если не всякий бывает художником в области так называемого искусства, в узком смысле этого слова, то всякий, наоборот может и должен быть художником в сфере практической жизни. Всякий является до известной степени творцом своей собственной жизни и надо заботиться о том, чтобы произведение этого высшего, из всех искусств искусства сознательной и разумной жизни, действительно было таково, чтобы им можно было гордиться. Каждый день нашей жизни есть только часть того громадного художественного создания, которое мы творим день за днем в течение всей своей жизни и которое во всей полноте открывается нам только в момент расставание с земным существованием. Нет ничего выше идеи человека, ставшего творцом своей собственной жизни, но кто из нас может сказать, что он был истинным художником в этой области и употребил во благо заложенный в нем творческие способности! Легче, тысячу раз легче написать умную книгу, сочинить великолепную симфонию, нарисовать превосходную картину, чем оставить людям образец жизни, служащей воплощением идеальной красоты и нравственного совершенства. И вот те творческие способности, которые надо культивировать в людях! Нужны, прежде всего, не столько хорошие музыканты, не столько хорошие ученые, сколько хорошие люди. Нужна, прежде всего, не столько способность сочинять книги или оперы, сколько способность творить и создавать новые течения жизни. Если бы эта способность развивалась в нас с малых лет, то мы давно бы уже имели в этой области много художественных созданий, которые могли бы вызывать наш неподдельный восторг и перед которыми все произведение так называемого искусства явились бы пустою и ничтожною забавой. Научимся же смотреть на себя и на нашу жизнь с этой точки зрения и тогда, право, она приобретет для нас больше смысла, разумности и значения. Если человеку

действительно удастся стать творцом своего собственного существования, то это будет иметь своим последствием только увеличение интереса к самой жизни. У человека больше будет охоты жить на белом свете, когда он будет иметь возможность сознательно направлять жизненный процесс и регулировать его, а не плыть против воли, повинуясь непроизвольному течению жизни, в сторону, противоположную своим заветным стремлением и надеждам

Всё это и объясняет почему с самых малых лет как только представится к этому возможность, надо заботиться о доставлены детям в возможно более широких размерах практики сознательного вмешательства в жизненный событие и о воспитании в них привычки к направлению своей жизни сообразно с известным планом. Только надо при этом заботиться также и о том, чтобы человек не приучался рассматривать план как нечто неизменное и раз навсегда данное, не допускающее никаких поправок и изменений. Напротив он должен воспитать в себе привычку от времени до времени критически проверять целесообразность своего плана жизни и вносить в него необходимые поправки и дополнения, соответственно с расширившимся пониманием жизни; и даже более того, готовность отказаться от своего плана, если бы после критической проверки он оказался никуда негодным. Одним словом, план жизни не должен быть воздвигаем в непреложный догмат, но должен подлежать прогрессу соответственно с развитием нашего ума и обогащением нашего житейского опыта. «Человек с планом», над созданием которого работает воспитание, отнюдь не должен быть доктринером и догматиком. План жизни только тогда и может иметь наиболее плодотворное значение, когда подвергается постоянным исправлением, иначе же он станет для действительной жизни прокрустовым ложем и поведет к уродованию и искаженно этой жизни. Такая способность критического отношения и готовность к видоизменению принятых некогда способов и приемов жизни и деятельности и обычного порядка в ежедневном течении дня тоже должна быть развиваема в ребенке, как только к этому явится возможность.

Относительно плана жизни следует отметить, что чем более широкий период времени он охватывает тем более становится неопределенным План всей последующей жизни не может носить такого определенного характера, как план завтрашнего дня моей жизни. Но этот более определенный план завтрашнего дня всегда должен быть вырабатываем сообразно с неопределенным планом всей жизни. Цели, которые мне хотелось бы осуществить в

течение всего своего земного существование должны служить руководящим началом в выборе тех частных целей, достижение которых я себе намечаю в пределах одного дня своей жизни. Таким образом, наряду с общим планом жизни человек должен создавать себе также и ряд планов, охватывающих его жизнь в пределах последовательно всё более и более суживающегося промежутка времени и которые становятся тем определеннее и яснее, чем на меньший промежуток времени они простираются, пока таким образом он не дойдет до плана, охватывающего только один день его существования и допускающего поэтому наибольшую ясность и определенность.

Из высказанных ранее соображений о развиты воли вообще и нравственной воли в частности, мне кажется, можно вывести следующие практические правила.

1. Полезно упражнять ребенка в отыскивании связи между различными целями, которые ему приходится себе ставить, так, чтобы он приучился смотреть на каждую цель, как на один из составных элементов одной системы целей; приучился бы спрашивать себя, находится ли эта цель в гармонии со всеми остальными его целями или противоречит им и если противоречит, то в чём именно. Одним словом, надо приучить его рассматривать каждую цель не отдельно и изолированно, а в связи со всею совокупностью целей. Само собою понятно, что это может быть делаемо только в том размере, в каком самые цели могут быть охвачены ребенком в одной системе, и кроме того надо, чтобы ребенок сравнивал между собою те именно цели, которые он сам ставит, а не те, которые взрослый хотел бы навязать ему.

Отыскивание связи между целями и сравнение целей между собою должны производиться самим ребенком, а не взрослым за него. Взрослый должен только помогать ему, т. е. только наталкивать и наводить его, а он должен сам находить те черты согласия или противоречия, которые существуют между отдельными целями. Если вы будете анализ и сопоставление целей производить за ребенка, то в нем не воспитается привычка к подобному анализу и сопоставлению, привычка, составляющая необходимое основание в развитии нравственного характера.

Приучайте также ребенка к сравнению и сопоставлению между собою тех целей, которые он себе ставит и тех средств, которые выбирает для их достижения. Выбранные средства могут быть рассматриваемы тоже как цели, но только как цели ближайшие, ведущие к достижению целей более отдаленных. Принцип гармонии целей требует поэтому, чтобы между

средством и целью существовала наибольшая гармония, и чтобы они не находились между собою в антагонизме. Если средства противоречат цели, то, с нравственной точки зрения, ни в каком случае не может быть сказано, что «цель оправдывает средства». Да, если хотите, можно, пожалуй, и допустить, что цель оправдывает средства, но только в той мере, в какой эти средства не противоречат цели и не уничтожают её. Если же средства противоречат самой цели, то никакая цель не может их оправдать. Доведенный до крайности принцип «цель оправдывает средства» есть глубоко безнравственный принцип, так как идет в разрез с основным требованием, которое нравственность ставит человеку, а именно с требованием стремиться к наибольшей гармонии всех целей между собой. Вот почему с малых лет надо поселять в ребенке отвращение к этому принципу, привычку не считать безразличным характер тех средств, которые выбираются для достижения цели, но выбирать из всех средств именно те, которые в наименьшей степени противоречат самой цели, если выбор средств, вполне гармонирующих с целью, почему-либо невозможен

В деле нравственного воспитания представляется весьма важным вопрос о классификации целей, а также и вопрос о тех видоизменениях, которые система целей претерпевает в течение индивидуальной жизни, т. е. каким образом эта система расширяется или суживается, и гармония целей становится более совершенной или менее совершенной. В этом отношении интересно было бы хотя приблизительно начертать такую систему целей для различных периодов жизни человека.

Всякая классификация предполагает известный принцип, положенный в ее основу, принцип, выражающий ту точку зрения, с которой данная классификация производится. С какой же точки зрения следует производить классификацию целей?

Цели можно классифицировать или по степени их широты, т. е. сообразно с количеством живых существ, которые имеются в виду при их достижении, или по степени их отдаленности во времени, или по качественному их характеру и т. д. Всех возможных способов классификации мы не беремся исчерпать, так как точки зрения, сообразно которым группируются цели, могут быть крайне разнообразны. Важно, конечно, выбрать классификацию наиболее естественную, т. е. соответствующую действительному порядку развития самих целей. Что касается развития целей, то в этом отношении может быть отмечен следующий факт: чем более развивается система целей, тем более цели становятся широкими по своим размерам, охватывая все большее и большее количество живых существ; вместе с тем они

становятся все более отдаленными в порядке их достижения и принимают все более отвлеченный и идеальный характер

После всех этих предварительных замечаний попробуем наметить себе примерную классификацию всех целей человеческой жизни в порядке их возрастающей сложности и высоты. Нам придется при этом перейти за пределы собственно так называемого детского возраста, и мы можем считать себя в праве сделать это с тем большим основанием, что нравственное воспитание не есть дело, ограничивающееся только этим возрастом, но есть и должно быть делом всей жизни человека. Не придавая нашей классификации окончательного значения, мы думаем, что она может, тем не менее, послужить прекрасной иллюстрацией для того принципа гармонии целей, о котором мы говорили в начале нашей статьи. Это обстоятельство и побуждает нас, не смотря на все недостатки, сознаваемые нами, изложить ее перед читателем

По роду и количеству тех живых существ, которые имеются в виду при достижении целей, все цели могут быть разбиты на две большие группы: 1) на те цели, в которых центром тяжести является наша собственная личность, и 2) на те цели, центр тяжести которых лежит вне нашей личности, в большей или меньшей совокупности находящихся вне нас живых существ. Что касается последних, то широта их будет, конечно, находиться в зависимости от количества охватываемых ими существ. Они могут относиться или к одному существу, или к небольшой группе живых существ (например, к семье, к кружку товарищей), или к более широкой группе, в которую данная группа входит как составная часть (например, к известному народу, к которому принадлежишь данная личность), или к самой широкой группе высших существ нам подобных, которую мы называем именем человечества, пока, в конечном пределе, они не распространятся на совокупность всех живых существ или на весь мир. До какой степени широты может достигнуть названная группа целей, будет зависеть от той степени развития, которой достигли в данную минуту человечество и отдельная личность.

Обратимся теперь к более подробному подразделению каждой из названных групп.

Что касается тех целей, в которых центром тяжести является само лицо, ставящее цель, то здесь прежде всего можно отметить, в порядке их возрастающей сложности, следующие три главные подгруппы: 1) цели, в которых имеется в виду наше *самосохранение,* 2) цели, в которых имеется в виду *доставление* себе *счастья,* и 3) цели, предметом которых является *совершенствование* или *развитие* самого лица, ставящего цель.

Чтобы иметь возможность делать чтобы то ни было, для себя ли или для других, прежде всего необходимо существовать и быть в состоянии оградить свое существование от всех враждебных ему влияний, от всего того, что имеет тенденцию прекратить нашу жизнь и наше существование. В этом смысле забота о своем самосохранении составляет одну из необходимейших целей нашей деятельности, и эта цель не утрачивает своего значения никогда, как бы высоко ни поднялся человек по лестнице духовного и нравственного развития. Разница только в том, что существо низменное, знакомое только с одними животными потребностями, заботится о сохранении своей жизни для того, чтобы иметь возможность удовлетворять свои животные побуждения, а существо, высокоразвитое в нравственном отношении, заботится о сохранении своей жизни, чтобы сделать её орудием достижения нравственных идеалов, чтобы сделать её источником наибольшего тепла и света для окружающих людей. Но необходимость заботиться о своем самосохранении одинаково тяготеет как над ним, так и над самым ничтожным микроскопическим существом, одаренным жизнью.

Чтобы существование было возможно, необходима наличность известной совокупности жизненных условий. Организм должен получать от времени до времени известное количество определенной пищи, должен иметь возможность сохранять на известной степени свойственную ему животную теплоту, находиться в среде, имеющей известную степень тепла, влажности и в надлежащей степени освещенной. Определение тех жизненных условий, которые необходимы для сохранения организма и для успешной борьбы его с враждебными влияниями, и вообще всего того, что требуется, чтобы сделать организм наиболее стойким в этой борьбе, составляет главный предмет гигиены, которая наряду с общими отмечает и те особенные условия, которые необходимы для различных возрастов жизни человека. Очевидно, например, что гигиена первого детства не может быть вполне одинакова с гигиеной зрелого возраста. Что касается ребенка, то в первые годы его существования почти все заботы о сохранены его жизни падают на посторонних людей, т. е. на мать, отца и т. д., и только по мере того, как он становится старше, он начинает мало-помалу принимать всё больше и больше участия в заботах о самосохранении. И, конечно, взрослый, как только представится к этому возможность, необходимо должен приучать его к подобным заботам. Если ребенок научится в достаточной степени сам заботиться о себе, то вы гораздо легче убережете его от всего вредного, чем если вам придется постоянно за него бодрствовать. Способность к

самосохранению должна быть культивируема как можно раньше; и, как только представится к этому возможность, надо стремиться к тому, чтобы забота о самосохранении велась разумно и рационально. В этом отношении очень полезно сообщать ребенку в популярной форме различные сведения из гигиены так, чтобы каждая усвоенная им привычка в видах самосохранения получила для него разумный смысл и значение. Тогда, быть может, нам не пришлось бы встречаться со столь сильно распространенным фактом неспособности даже взрослых людей в надлежащей степени заботиться о своем самосохранении. Повторю еще раз: в заботах о самосохранении решительно нет ничего предосудительного и отталкивающего, и они не имеют ничего общего с эгоизмом. Дадите ли вы в себе простор эгоистическим или альтруистическим чувствам, будете ли вы смотреть на себя, как на центр вселенной, как на фокус, куда должен быть собран весь свет со всего мира, или же как на источник света, который должен распространить свой свет во все стороны, — и в том и другом случае пред вами встанет роковая необходимость существования. Не бойтесь поэтому научить своих детей в достаточной мере заботиться о своем существовании. В особенности же если вы при этом внушаете им мысль о том высоком нравственном назначении, которое имеет человеческая жизнь, то в ваших стараниях привить им в надлежащей степени науку и искусство самосохранения решительно ничего не может быть опасного.

Следующая подгруппа рассматриваемых нами целей охватывает цели, в которых имеется в виду доставление человеком самому себе счастья. Сюда относится стремление ко всему тому, что нам приносит удовольствие или избавляет от страдания, стремление к обладанию каким-либо предметом или к совершенно какой-либо деятельности исключительно только во имя этого мотива. Этот мотив играет большую роль в жизни ребенка и сохраняет свое значение и в жизни взрослого. Сам по себе, как безобидное стремление к счастью, этот мотив не представляет ничего преступного и опасного. Каждое существо имеет право на счастье, и никаких нет оснований кому бы то ни было запрещать стремиться к нему. Опасным делается этот мотив только тогда, когда он становится исключительным, получает господство над всеми другими мотивами и вытесняет их совершенно. Существенно важным поэтому представляется обращать внимание ребенка даже с малых лет на те ограничения, которым должно подлежать стремление к счастью для того, чтобы впоследствии оно не переходило за пределы, за которыми оно начинает становиться грубым ненавистным эгоизмом. И здесь

надо стараться также о том, чтобы личное счастье служило для человека стимулом к умножение счастья среди других людей, чтобы на счастье человек смотрел как на одно из средств наиболее успешной и плодотворной работы среди человечества и для человечества, как на одно из условий поднятия энергии жизни и труда. Если надо существовать и жить и, следовательно, заботиться о самосохранении для того, чтобы иметь возможность работать для других, то надо быть счастливым и, следовательно, надо до некоторой степени стремиться к получению удовольствий и избежанию страданий, чтобы иметь возможность более энергично, более успешно и более плодотворно работать для других людей. Вот та точка зрения, с какой надо приучить человека смотреть на стремление к счастью. Становясь на эту точку зрения, он всегда усмотрит тот предел, за которым личное счастье становится недозволенным и никогда не допустит себе перешагнуть за этот предел. Зачем без нужды делать жизнь свою мрачной и обращаться в аскета. Аскетизм и мрачность вовсе не составляют лучшего средства для поднятия энергии труда. Человек, жизнь которого светла и полна радостей, лучше поймет значение счастья, в жизни других людей и с большей охотой будет работать, чтобы сделать жизнь этих людей краше. Когда мы чрезмерно счастливы, как это бываешь, например, тогда, когда мы впервые познакомились со сладким чувством взаимной любви, то нам хочется осчастливить весь мир, все люди нам кажутся братьями, каждого мы готовы прижать от избытка чувств к своему сердцу и сделать ему что-нибудь хорошее. Если только вы стараетесь развить в ребенке нравственные стремления, то, поверьте, что счастье, если даже оно будет составлять одну из целей его деятельности, не может оказать на него вредного влияния, оно заставишь его только любовнее смотреть на мир и людей. Но, конечно, если вы на развитие нравственных стремлений не обращаете внимания, если вы не внушаете ему постоянно ту мысль, что он должен стремиться к тому, чтобы составить с человечеством и миром одно гармоническое целое, чтобы его жизнь стала одним из условий развивающейся жизни человечества, — если вы, наоборот, укрепляете его в том убеждении, что его интересы противоположны интересам человечества и что гармонии между теми и другими не может быть по самому существу, — тогда, поддерживая в нем стремление к счастью, вы рискуете воспитать из него узкого и черствого эгоиста.

Перейдем теперь к третьей подгруппе рассматриваемых нами целей, охватывающих стремление к самосовершенствованию и саморазвитию. Это уже цели более высокого порядка, чем

стремление к счастью. Можно показать, впрочем, что стремление к саморазвитию есть только одна из более высоких форм, которые принимает стремление к счастью. Человек получает удовольствие не только вследствие обладания теми или другими предметами, но существенным образом от тех или других деятельностей, от работы тех или других органов своего тела. Каждый орган, если он долго находился в покое, представляет как бы накопленную активность, которая требует своего обнаружения, и обнаружение которой сопровождается высоким чувством удовольствия. Но, действуя, орган упражняется и становится вследствие этого более совершенным. Деятельность является одним из основных источников счастья человека. Первоначально на долю человека выпадает это счастье только вследствие чисто случайного обнаружения какой либо деятельности, без всякой преднамеренности с его стороны, благодаря только тому давлению, которое оказывает на него накопленная активность в той или другой части его организма. Но, когда человек начинает подмечать получающийся в силу такой деятельности результат, состоящий в совершенствовании тех или других органов его организма и самого организма, целого, деятельность его из случайной становится всё более и более систематической, и совершенствование организма, развитие его, выдвигается на передний план как одна из целей волевой деятельности человека. Не надо предполагать, что эта цель должна принять только характер физиологического совершенствования организма, так как на ряду с деятельностями чисто физиологического характера существуют также деятельности, которые, не утрачивая своего физиологического характера, имеют вместе с тем и психическое значение. То, что с физиологической точки зрения представляет совершенствование мозгового аппарата, с психической точки зрения является, как развитие сознания.

Самосовершенствование и саморазвитие представляют опять таки одну из тех целей, которые сохраняют свое значение в течение всей человеческой жизни, но никогда, быть может, они не получают такого преобладания, как в юношеском возрасте. Требуя со стороны человека систематических усилий, эти цели представляют прекрасную школу для развития воли, для приучения человека к обдуманной планомерной деятельности. Здесь человек научается быть творцом самого себя, лучшего себя, чем он есть, для того, чтобы впоследствии стать творцом новых общественных форм и нового человечества. Только научившись создавать нового человека внутри себя, человек может считать себя пригодным для создания нового человечества и нового общества; только научившись систематически работать над своим

саморазвитием человек будет в состоянии применить свои усилия к плодотворной, целесообразной работе над развитием социальной и общечеловеческой жизни. Саморазвитие составляет необходимую подготовительную школу для широкой общественной деятельности. Прошедший эту школу будет лучше и более успешно работать, чем не прошедший ее.

И здесь надо также обращать внимание на то, чтобы это стремление к саморазвитию не приняло характера исключительной цели и не перешло за те пределы, когда оно начинает приобретать эгоистический оттенок и ведет к самолюбованию и к самоуслаждению. Если жить и существовать надо для того, чтобы работать для других, если счастливым надо быть для того, чтобы с большей энергией работать для других, то развитым и совершенным надо быть для того, чтобы более совершенным образом более производительно работать для этих других людей. Эту последнюю мысль надо постоянно внушать человеку, заботящемуся о своем саморазвитии. Надо постоянно говорить ему: „Стремись быть более совершенным, развивай самого себя, но делай это всё не исключительно только ради самого себя, а для того, чтобы впоследствии стать более совершенным и умелым служителем добра и правды на широкой ниве общечеловеческой жизни. Совершенствуй себя и развивай свои силы, чтобы достигнув высшей возможной степени совершенства и развития, посвятить себя на великое дело установления гармонии среди человечества. Это дело требует многих работников и чем искуснее работник, тем плодотворнее будет его работа в этом отношении. Заботясь о своем саморазвитии, всегда помни, что ты это делаешь не для того, чтобы когда-нибудь впоследствии поднять гордо голову и сказать окружающим тебя людям: глядите на меня, любуйтесь мною, поклоняйтесь мне, посмотрите, как я поднялся высоко до пределов божественного!.. Нет, а для того, чтобы скромно стать в ряды тружеников на общее дело, чтобы свои более совершенные силы соединить с силами других на благо человечества". Если в своих стремлениях к саморазвитию человек не упускает из виду того общественного значения, которое имеют эти стремления, то кроме благотворных результатов не может получиться решительно ничего.

Обратимся теперь к той группе целей, в которой человек центр тяжести своих стремлений помещает вне себя. Эти цели равным образом могут быть разбиты на три подгруппы: 1) на цели, в которых имеется в виду *содействие самосохранению других живых существ,* главным образом, людей; 2) на цели, в которых имеется в виду *доставление счастья окружающим нас людям* и 3)

на цели, главный предмет которых составляюсь заботы, направленные на *развитие и совершенствование окружающих нас людей* или на доставление им возможности развития и совершенствования. Каждая из этих подгрупп, в свою очередь, допускает подразделение в зависимости от количества живых существ, на которые данная цель распространяется.

Таким образом, например, что касается содействия самосохранению других живых существ, то оно может распространяться на небольшую группу живых существ, как то: семью, кружок друзей или товарищей и т. д. — может касаться такой большой группы, как, например, известного народа и может, наконец, относиться ко всему человечеству.

Цели, в которых имеется в виду содействовать самосохранение членов, составляющих данный семейный союз, сводятся приблизительно к следующим категориям: 1) заботы о доставлении семье материальных средств к существованию, 2) заботы о гигиенической обстановке и гигиенических условиях домашней жизни (сюда включается ведение домашнего хозяйства, заботы о гигиенической квартире, о снабжены всех членов семьи гигиеническою одеждою, о доставлены им гигиенической пищи, о приобретении ими тех или других привычек, сообразных с требованиями гигиены и т. д.) и 3) заботы о том, чтобы члены семьи были как можно теснее сплочены друг с другом. Последнее составляет необходимое условие для самосохранения семьи, как целого, и для более успешного самосохранения каждого из ее членов.

Если содействие самосохранению распространяется на более широкий круг, например на известный народ, то оно сводится в общих чертах к следующему: 1) к заботе о том, чтобы народ, как целое, располагал наибольшею суммою материальных средств, наибольшим количеством сырых материалов и наибольшим количеством орудий труда для обеспечения своего экономического существования; 2) к заботе о том, чтобы производимые народом богатства были распределены равномерно, так чтобы каждый имел возможность устроить свою жизнь сообразно с требованиями гигиены, чтобы у каждого была хорошая квартира, хорошая одежда и хорошая пища и чтобы каждый мог усвоить себе навыки, соответствующие гигиеническому образу жизни. И, наконец, 3) к заботе о том, чтобы народ действительно представлял из себя одно тесно сплоченное политическое целое, которое с наибольшею солидарностью всех своих членов соединяло бы наибольшую самодеятельность каждого из них, потому что только подобный политический союз может быть в наибольшей степени способен

как к сохранению самого себя, так и к сохранению каждого из своих членов среди окружающих неблагоприятных условий.

Если теперь мы предположим, что содействие самосохранению распространилось на все человечество, то эта общая цель сведется приблизительно к следующим задачам: 1) к заботе о наибольшем развиты материальных средств производства, о наибольшем подъеме производительности физического труда и связанном с ним наибольшем производстве материальных богатств; 2) к заботе о равномерном распределении материальных благ между отдельными народами и отдельными лицами, их составляющими, распределении, которое давало бы каждому возможность обеспечить свое материальное существование и предохранить себя от гибели среди неблагоприятных жизненных условий. И, наконец, 3) к заботе о том, чтобы сплотить все человечество в один широкий союз гармонически между собою связанных людей, в котором сила ни одного бы человека не пропадала напрасно, будучи парализована прямою или косвенною борьбою с силою другого человека, но в котором бы силы всех людей соединились вместе для последней и окончательной борьбы и победы человека над природою. Результатом такой планомерной и сознательной борьбы всего человечества с природою будет достижение таких условий, которые в наибольшей мере способны обеспечить как самосохранение отдельного человека, так и всего человечества. Но борьба с природою, в сущности, сведется к отысканию тех способов, при помощи которых между человеком и природою могла бы быть достигнута наибольшая кооперация и гармония. Поэтому борьба человечества с природою в конечном итоге своем будет иметь гармонический союз всего человечества с природою, или, выражаясь иначе, достижение *всеобщей мировой гармонии,* составляющей самый высший идеал, до которого только может подняться религиозное или метафизическое творчество.

Следующая подгруппа разбираемых нами целей охватываешь все цели, предметом которых является доставление счастья окружающим нас людям. Она также дробится в зависимости от количества и характера людей, которые имеются в виду при преследовании означенных целей. Если дело идет о той небольшой группе людей, которая называется семьею, то цели, предмет которых составляет доставление счастья, могут быть разбиты на следующие категории: 1) заботу о том, чтобы каждый член семьи имел возможность удовлетворять всем своим потребностям, склонностям и вкусам, потому что в подобном удовлетворении существенным образом и заключается счастье человека; 2) стремление устроить семейную жизнь таким

образом, чтобы она влекла за собою как можно менее ограничений для каждого из членов семьи, потому что чем менее ограничений налагается на жизнь каждого, чем она свободнее, тем более она полна радостей и счастья; 3) заботу о том, чтобы семья являлась настолько сплоченным и солидарным целым, чтобы всякое событие, случающееся с одним из членов семьи, находило свой отклик во всех остальных. Тогда радость каждого переживается всеми, а это ведет к еще большему умножение счастья в семье.

Если мы возьмем ту более широкую группу людей, которая называется народом, то в отношении нее для отдельной личности могут быть намечены следующие цели: 1) стремление создать такой общественный порядок, который давал бы каждому члену общества возможность в наибольшей степени удовлетворять все свои потребности, а также следовать всем своим склонностям и вкусам, насколько, конечно, эти последние совместимы с нормальным, здоровым развитием человеческой природы; 2) стремление, чтобы этот общественный порядок в наименьшей степени ограничивал свободу каждого; 3) стремление настолько сплотить общество, чтобы оно являлось чутким к страданиям и радостям каждого из своих членов. Широкая симпатия между членами общества есть условие для наибольшей суммы счастья в нем.

Если, наконец, стремление доставить людям счастье распространится на все человечество, то мы получим следующие задачи: 1) стремление объединить все человечество в один широкий союз людей, ставящий своей главною целью удовлетворение всех потребностей каждого из своих членов; 2) стремление, чтобы подобный союз наряду с наибольшею солидарностью и с наибольшим развитием взаимной симпатии соединял наименьшее ограничение свободы каждого человека и доставлял бы каждому из своих членов наибольшую возможную сумму счастья. Когда человечество достигнет этой цели, то, быть может, оно поставит своей задачей достижение такого мирового порядка, при котором бы каждое живое существо имело возможность достигнуть наибольшей полноты счастья.

Нам остается теперь только рассмотреть те цели, главный предмет которых составляешь содействие развитию и совершенствованию других людей. Начнем с семьи. Общая цель — содействие развитию — разбивается здесь на следующие частные задачи: 1) содействие развитию своих детей, воспитание и образование их; 2) содействие взрослым членам семьи в их стремлениях к дальнейшему совершенствованию себя, к пополнению и продолжение своего образования и т. д.; *3)*

содействие к созданию такого взаимодействия между отдельными членами семьи, которое давало бы возможность каждому из них достигнуть наибольшей возможной степени развития и совершенства и которое обратило бы семью в солидарный союз лиц, взаимно помогающих друг другу в деле совершенствования и развития.

Если содействие развитию распространяется на большую группу, например, на народ, то возникают следующие задачи: 1) содействие развитию и совершенствование молодого поколения данного народа, правильному его воспитанно и образованию; 2) доставление взрослому поколению этого народа возможности и средств продолжать свое развитие и совершенствование, приобретать новые научные знания, расширять свой умственный кругозор и т. д. Наконец, 3) создание таких общественных условий, такая реорганизация общественной жизни, которая дала бы возможность каждому достигнуть наибольшей возможной степени развития. Не только, например, низшее образование должно стать всеобщим и для всех доступным, но таковым должно стать также и высшее образование и среднее. При этом здесь предполагается также стремление так видоизменить существующие воспитательные и образовательные высшие, средние и низшие учебные заведения, чтобы они действительно способствовали развитию своих питомцев и их совершенствованию, а не порождали бы часто совершенно противоположных результатов.

Предположим теперь, что предметом забот отдельной личности становится всё человечество, тогда она будет иметь перед собою следующие задачи: 1) объединение всего человечества в широкий солидарный союз свободных людей, соединенный усилия которых были бы направлены самым целесообразным и успешным образом на воспитание и развитие молодого поколения, так чтобы каждый член этого молодого поколения мог достигнуть наибольшей полноты развития и совершенства, допускаемой его природными задатками, чтобы ни одна способность, ни одно дарование не заглохли, а получили бы возможность развернуться пышным цветом; 2) создание таких форм общения и взаимодействия среди объединенного человечества, которые давали бы возможность и каждой взрослой личности продолжать непрерывно своё развитие и совершенствование, давали бы возможность каждому достигать и быть идеальными образцом человеческого типа, чтобы человечество стало союзом развитых и совершенных людей, продолжающих подниматься на всё более высокие ступени развития и совершенства, благодаря той широкой гармонии и

кооперации, которая существует между ними. Когда человечество станет такой совершенной кооперацией людей для всеобщего взаимного развития и совершенствования, тогда, быть может, перед ним возникнет новая задача: содействовать развитию и совершенствованию каждого живого существа и целый мир пересоздать по образу и подобию того, что человечеству удалось устроить внутри самого себя. Тогда, быть может, человечество будет стремиться сделать всю вселенную всеобщим гармоническим союзом всех живых существ для взаимного их совершенствования и развития. Борьба за существование и антагонизм интересов уступят место всеобщей кооперации и гармонии, и прогресс, всеобщий, непрерывный, сознательный и систематический прогресс всех живых существ и их социальных сочетаний друг с другом, составит высший незыблемый закон этого обновленного мира, этой новой Вселенной. Дальше этого не может подниматься мечта современного человека. Многие назовут, пожалуй, это бреднями и посмеются над подобными фантазиями, но, по нашему мнению, эти фантазии имеют, тем не менее, большое значение. Они составляюсь остаточную форму того, что метафизика заключает в себе прочного, хорошего, здорового. Метафизическая потребность, как попытка отдать себе отчет в том, какой смысл имеет наша жизнь в беспредельной жизни всего мира, никогда не умрет, да было бы и печально, если бы она умерла. Никто не говорит, чтобы вы отвлекались от практических жизненных интересов, чтобы вы игнорировали текущие „злобы дня", которые каждый шаг вашего существования приносит вам. Это неоспоримая истина, что мы живем на земле и что каждому дню „довлеет злоба его", но разве над нами не раскинулось также беспредельное небо, разве наша мысль не способна охватить в своем смелом полете не только кратковременное поприще нашей мимолетной и недолгой жизни, но и жизнь человечества в его беспредельном развитии. Жизнь будет не полна, если мы будем исключительно только глядеть на землю, на то, что находится под нашими ногами, и откажемся взглянуть на светлое небо, на те широкие беспредельные перспективы, которые мысль человека открывает перед ним. Зачем суживать свой горизонт и произвольно ограничивать поле своего зрения, зачем воздерживаться от попытки более широко взглянуть на свою жизнь? Не бойтесь, подобная попытка не повредить вашей практической деятельности, не отвлечет вас от ваших земных дел и нужд, но, быть может, даст вам возможность легче переносить бремя жизни и бодрее двигаться вперед к лучшему будущему среди разных житейских неудач.

На этом мы и заключим свой обзор целей, который, конечно,

далеко не полон и не исчерпываешь всех возможных целей. Но, как мы указывали уже это ранее, наша классификация имеет только примерное значение и мы нисколько не претендуем на ее полноту. Заканчивая свой настоящий труд, мы коснемся здесь только еще одной стороны нравственного развития, относительно которой до сих пор нами ничего не было сказано. Мы отметили ту важность, которую имеет для выработки нравственной воли развитие способности представления. Но наряду с интеллектуальным моментом не менее важную роль в нравственности играет и момент эмоциональный. В этом последнем отношении фундаментом этического развития должна служить *нравственная любовь*.

Как описать и охарактеризовать это чувство? Мы бы определили его так: этическая любовь есть такое чувство гармонии человека с человеком, при котором один человек сливается духовно с другим человеком в одно целое настолько, что становится способным желать блага, счастья и развития этого другого человека ради него самого, а не ради себя, без всяких даже соображений о том, что воспоследует от этого лично для себя. Развить такое чувство как в себе, так и в детях очень трудно, а еще труднее достигнуть того, чтобы это чувство сделалось руководящим нашим стимулом во все моменты нашей жизни, а не вспыхивало бы в нас только как яркий огонек, при исключительных условиях. Как часто бывает, что вспыхнет на минуту в душе огонь этой светлой страсти и потухнет, и в душе воцаряется страшная тьма, под покровом которой выползают из разных закоулков души всевозможные гады в образе низменных желаний и начинают бесконтрольно и бесшабашно в ней хозяйничать до тех пор, пока внезапно опять не вспыхнет светлый огонёк и все отвратительные чудовища, терзавшие нашу душу, не разбегутся в страхе и трепете в разные стороны. Вот и надо, чтобы этот огонек, который загорается в нас только временами, мог бы всегда в нас гореть ровным, никогда не ослабевающим пламенем, так чтобы те чудовища, о которых мы говорили, не находя пищи и простора для своей деятельности, мало-помалу и незаметно умерли, не оставив в душе никакого следа.

Первое необходимое условие для развития нравственной любви заключается в том, чтобы научить человека рассматривать себя не как нечто изолированное от всего окружающего мира и противостоящее ему, но как составляющее с этим миром одно целое. Надо, чтобы человек научился во всех актах своей жизни становиться на точку зрения более или менее широкого целого, чтобы местоимение «мы» («для нас») играло в его сознании более значительную роль, чем местоимение «я» («для меня»), во всех тех

случаях, когда он преследует те или другие цели. Но здесь мы должны ответить на одно весьма важное возражение, которое может быть нам сделано. Нам скажут: «Развитие нравственных стремлений в человеке связано с развитием в нем самосознания, с высшею выработкою в нем того, что называется личностью. Стараясь приучить его рассматривать себя составляющим с миром одно целое, вы подрываете в нем развитие личности и самосознания и тем самым уничтожаете в нем одно из необходимых условий для развития нравственных стремлений». Вот то противоречие, на которое могут обратить наше внимание: одно необходимое условие для развития в человеке нравственности, по-видимому, совершенно устраняет и делает невозможным другое такое же необходимое условие. Но именно только по-видимому, и указанное противоречие есть не более как мнимое: развитие в человеке самосознания и личности нисколько не уничтожает необходимости развивать в нем привычку рассматривать себя с человечеством как одно целое. Самосознание вовсе не обозначает противоположения индивидуума всему остальному миру или человечеству; можно было бы даже определить его просто, как сознание того места, которое индивидуум, как часть, занимает в обширном целом, называемом нами человечеством или миром. Стараться приобрести себе наибольшее сознание о мире, стараться понять, как это «Великое Целое» дробится на отдельные взаимосвязанные части и стараться из этих отдельных частей понять прежде всего именно те, которые нам наиболее всего доступны, т. е. самих себя — не значит ли это работать в тоже время на пути выработки в себе наибольшей возможной степени самосознания и личности? Личность я бы определил, как часть этого целого, сознавшую свою роль, место и назначение в нем и стремящуюся всё это сознательно осуществить на деле. Таким образом, для развития самосознания и выработки личности необходимо, более чем это обыкновенно предполагают, развитие способности становиться на точку зрения более или менее широкой группы существ. Личность, достигшая высшей степени самобытности, самосознания и свободы будет в тоже время и личностью, которая в наибольшей степени чувствует свое глубокое родство с беспредельной жизнью всего человечества и мира, которая связана с этою жизнью самыми тесными и неразрывными нитями, которая живет с человечеством и миром одною общею жизнью, которая в работе над улучшением, возвышением и облагораживанием мировой и общечеловеческой жизни находит для себя высшую цель и для которой маленькое местоимение «я» утратило свое прежнее значение, став в ее глазах выражением

человеческой гордости, заносчивости и эгоизма. Каждый человек нашего поколения должен прилагать все усилия к тому, чтобы разрушить те заставы, перегородки и каменные стены, которые ложное воспитание и унаследованные предрассудки воздвигли между ним и его ближними, между ним и миром. Как много стен ему придется сломать, сколько упорной работы, и среди этих стен как много — изукрашенных цветами его чувства и фантазии и разрушить которые он может только с болью сердца! Сколько милых, дорогих сердцу предрассудков, с которыми ему, быть может, придется расстаться, облив их слезами! После, оглядываясь на пройденный путь, он будет удивляться этим слезам, но в свое время они были выражением живого реального горя, так как душе приходилось переживать страшную ломку всех прежних коренных устоев.

Чтобы воспитать в человеке привычку рассматривать себя, как составляющего с миром и человечеством одно целое, надо пользоваться для этого всяким представляющимся случаем. Чтобы родилось сознательное и глубокое чувство подобной связи с миром и человечеством, надо, чтобы самая мысль и идея этой связи пустили глубокие корни в нашем мышлении, надо так приучить работать нашу мысль, чтобы, думая о частном, индивидуальном и особенном, она, прежде всего, старалась бы понять то место, которое данный индивидуальный факт занимает в общем строе мировой жизни. В нас, напротив того, преобладает другая черта: задумываясь над известными частными явлениями, мы рассматриваем их обыкновенно изолированно и редко стараемся понять их место в общем потоке явлений и оценить их значение в эволюции мировой жизни. Пока не изменятся привычки нашего мышления в этом отношении, трудно рассчитывать на то, чтобы изменились существенно и способы нашей практической деятельности. Теоретический способ отношения к миру и жизни, проявляется ли он в методическом научном или в наивном обыденном мышлении, играет решающее значение в отношении человеческого поведения. Высказывая эту мысль, я подразумеваю не тот факт, что известное миросозерцание имеет определенное влияние на наши поступки, а тот, что еще большее влияние имеют самые приемы мысли, и если вы хотите достигнуть действительно глубоких переворотов в области человеческого поведения, то направьте свои удары не на то или другое миросозерцание, а на те или другие приемы и способы мышления. Если человек научится всегда, когда бы ему не приходилось применять свою мысль, становиться на точку зрения всего мира, как целого, то поверьте, что и практически, в своей деятельности, в своем поведении, он перестанет себя

разделять от человечества и мира и будет действовать так, как если бы он составлял с человечеством и миром одно неразрывное целое. Но чтобы изменить способы и приемы мышления — в этом отношении еще очень много придется сделать. Миросозерцания легче меняются, чем приемы мышления, но оттого менее значительно и их влияние на поведение человека. Привить людям те или другие идеи гораздо легче, чем воспитать в них правильный способ теоретического отношения к явлениям жизни.

При воспитании в ребенке привычки и способности становиться на точку зрения более или менее широкого целого, часть которого он составляет в данную минуту, надо следовать следующему правилу. Понятие о том целом, на точку зрения которого ребенок становится, должно быть расширяемо только постепенно в связи с ростом умственных способностей ребенка. С развитием этих способностей ребенок делается в состоянии становиться на точку зрения все более и более широкого целого, но каждый раз надо заботиться о том, чтобы он становился на точку зрения того целого, о котором он имеет ясное представление и которое имеет для него то или другое конкретное реальное значение. Иначе понятие о целом, часть которого он составляет, сведется для него на звук пустой и не будет иметь никакого благотворного воспитательного влияния. Например, в первое время ему может быть ясно и понятно только, что он составляет одно целое со своею матерью, потом он научится включать сюда отца, братьев, сестер и т, д. Только уже в самом зрелом возрасте на известной высоте научного и философского развития, вооруженный богатым запасом знаний о природе и историческом развитии человечества, человек научается становиться на точку зрения всего мира и всего человечества. Но это — вершина, подниматься до которой приходится через множество промежуточных ступеней. Главный вопрос в том и заключается, чтобы определить эти последовательные ступени так, как они намечаются соответственно с естественным развитием умственных способностей ребенка.

Для того чтобы еще более ярко оттенить, чем тот способ мышления, о котором мы выше говорили и который составляет необходимый фундамент для развития в нас нравственной любви, разнится от обычного обыденного, возьмем конкретный пример. Представьте себе, что перед вами находится какое-нибудь другое живое существо, например, человек, и что вы думаете о нем. Каким образом может направиться при этом ваша мысль? Вы можете обратить внимание на его наружность, нос, глаза, очертание лица, походку, на его костюм, способ разговора и т. д.

и, составив таким образом себе понятие о нем, как определенном индивидууме, этим ограничиться. Но можно пойти и дальше, можно не ограничиться мыслью о данном человеке, как индивидуально-изолированном факте, но, спросив себя, какое значение этот человек имеет для остального мира людей и не могла ли бы жизнь его быть более плодотворна в этом отношении. В первом случае мысль о другом человеке не вызовет с вашей стороны никакого практического действия, во втором случае она повлечет за собою целый ряд действий, направленных к тому, чтобы сделать жизнь этого другого человека более плодотворной для человечества, чтобы сделать жизнь его более богатой, ценной и содержательной. Конечно, перед вами проходят ежедневно тысячи людей и нет возможности таким образом задуматься о каждом, но с некоторыми из этих людей вы встречаетесь более часто и вступаете в более близкие отношения и, вот, думая об этих то людях, ваша мысль должна работать в указанном направлении. Одним словом, думая об известном человеке, каком бы то ни было, надо, насколько это допускают наши сведения о нем, стараться понять его значение в жизни всего человечества, надо рассматривать его не как изолированного индивидуума, а как члена общества, как часть большого целого, называемого человечеством. Если бы мы были искренними, то должны были бы откровенно сознаться, что очень редко и очень мало думаем об общечеловеческой ценности каждой человеческой жизни и о тех средствах, какими эту ценность можно было бы возвысить. Вся беда в том, что люди нас или вовсе не интересуюсь, или интересуют исключительно только взятые в своей индивидуальной оболочке. О людях же как возможных плодотворных работниках на пользу человечества мы редко когда думаем. Но если вы хотите воспитать в себе не безразличное отношение к людям и если вы хотите, чтобы ваше чувство к некоторым членам человечества не носило исключительно только чисто личного и субъективного характера и не имело бы вид лишь пристрастия, старайтесь о каждом человеке вообще, а о близких и дорогих вам в особенности, думать, как о возможных служителях добра и правды, как о свободных деятелях на поприще увеличения среди человечества солидарности и свободы. Если вы научитесь подобным образом смотреть на каждого человека, то вы тогда действительно воспитаете в себе способность любить человека тою высшею нравственною любовью, выше которой ничего быть не может; вы научитесь любить его ради него самого и ради человечества. В каждом отдельном человеке вы будете любить все человечество и от этого ваша любовь к данному лицу приобретет более светлый,

широкий и благородный характер. Да не подумают, что мы хотели бы уничтожить личные чувства и личный привязанности и интерес ко всякому человеку именно как к особенному индивидууму, со своей индивидуальной физиономией и со своим особенным складом жизни. Мы далеки от всякой подобной мысли; напротив того, мы признаем большое значение за личным, субъективным, индивидуальным. Все, на чем мы настаиваем, это чтобы человек научился не застывать и не останавливаться исключительно только на индивидуальном, но постоянно стремился бы свои мысли, чувства и действия, имеющие субъективный, личный характер, связывать с мыслями, чувствами и действиями, предметом которых является все человечество. Наши личные чувства от этого не потерпят никакого ущерба, но станут только шире, светлее и чище. Мечтать же об уничтожении всего личного, всего, носящего индивидуальный оттенок, стремиться индивидуума целиком без остатка растворить в общем — значит работать против начал самой жизни, значит вместо жизни сеять всюду смерть и разложение. Главная задача наша в том именно и заключается, чтобы наибольшее развитие всего личного и индивидуального уметь гармонически соединить с наибольшим развитием безличного и всеобщего. Индивидуум даже как индивидуум имеет неизмеримую цену и не допускает никакой для себя замены, но эта цена бесконечно, безмерно возрастает, если индивидуум получает значение в общем ходе жизни человечества и мира. Только о том, чтобы увеличить его цену, а не о том, чтобы его обезличить и лишить той цены, которую он уже имеет как индивидуум, идет здесь дело. И то же самое имеет значение в отношении каждого субъективного, личного чувства или мысли. Чтобы повысить значение этого чувства или мысли надо связать их с чувствами и мыслями, имеющими более широкий характер, предмет которых простирается на более широкое целое. В конечном пределе это целое становится равным всему человечеству и миру. Чем более идеи, чувства и поступки человека, не утрачивая своего индивидуального характера, приобретают вместе с тем и общечеловеческое значение, чем в большей мере отдельный человек является представителем и выразителем всего человечества, его заветных надежд и стремлений, его борьбы за лучшее, светлое будущее, тем более нравственный характер получает жизнь и деятельность данной личности. Способствовать этому всеми возможными средствами и составляет одну из самых основных задач нравственного воспитания.